

...О нем твердили целый век:
N.N. прекрасный человек!"

Пушкин

Глава I, служащая вступлением; в ней рассказывается о том, в какую счастливую минуту родился прекрасный человек

-- Тс! тс! шш! шш! Экой народец какой! Васька, да что же это такое? разве ты не можешь пройти, не задев за что-нибудь? Мало быт вас, бестии... Нечаянно? нечаянно! Да еще бы нарочно? Шшш! Шш! Шш!.. О, господи боже мой! чувства никакого нет в этом народе, решительно никакого.

Так, качая головою, шептал человек низенького роста, толстенький, с крошечными глазками, с огромной лысиной, прохаживаясь на цыпочках взад и вперед по комнате. На этом человеке был надет пестрый бухарский халат, и маленькая шея его была опутана белым платком, который почти совершенно закрывается широкою орденскою лентой красного цвета с желтой каемкой...

Хотя этому человеку было только сорок лет, но на его круглом и полном лице резко обозначились морщины, -- может быть, следствие усиленных трудов, и несмотря на полноту лицо его было болезненно-бледно, -- может быть, от сидячей жизни. Глазки его, совершенно заплавленные, будто нехотя, будто с трудом глядели на божий свет; к тому же в эту минуту он моргал веками, лишенными ресниц, обыкновенного их украшения. Но да не подумает читатель, чтоб этот почтенный человек моргал по привычке, -- совсем нет, он не имел никаких дурных привычек, решительно ничего особенного: какое-то торжественное спокойствие, ненарушимая безмятежность всегда царствовали на его полной физиономии -- и он моргал веками только в самые критические минуты своей жизни, когда душа его бывала сильно взволнована и когда он сильно был недоволен или поражен чем-нибудь. В первом случае он непрерывно моргал обоими глазами, во втором только изредка подергивал правым глазом.

-- Шш! шш! -- продолжал он, обращаясь к удалявшемуся в переднюю лакею, который стучал своими каблуками. -- Ради же самого бога, Васька, шш!.. Как же ты не возьмешь, братец, в расчет, что ходить тебе взад и вперед совершенно незачем? Сидел бы в передней да тачал бы сапоги, а то нет...

Лакей остановился, обернулся лицом к барину и разинул рот, но тот в страшном испуге замотал своими коротенькими ручками, заморгал глазками и снова, но выразительнее прежнего прошептал: шш!

Когда лакей вышел из комнаты, барин приложил руку к правому уху и, казалось, стал к чему-то внимательно прислушиваться... Но кругом была тишина ненарушимая; нагоревшая сальная свеча издавала слабый свет, едва освещая комнату средней величины о трех окнах, уставленную красными решетчатыми стульями, украшенную двумя ломберными столами и двумя зеркалами.

Через минуту послышалось слабое стенание, как будто из других соседних комнат: при этих звуках человек в халате заморгал, почти не переводя дыхания, опустился на стул, как бы ожидая еще что-то, но опять все по-прежнему сделалось тихо, и, казалось, долго удерживаемый вздох вырвался из груди низенького и толстенького человечка и облегчил его. Губы его зашевелились; он забормотал что-то невнятно, но через минуту, приподнявшись со стула и заложив за спину свои коротенькие руки, которые едва сходились назад, он снова стал прохаживаться по комнате на цыпочках и говорить довольно ясно, впрочем, шепотом:

-- Десять лет! десять!.. Истинно неисповедимы судьбы твои, Господи! Все это как будто сон... И знал, и видел, кажется, собственными глазами, а как-то не верилось. Надо взять в расчет, что в наше время десять лет очень много времени, очень! Однако такое странное происшествие должен считать я не иначе, как милостию божиею; только если бы все благополучно кончилось! а то ведь десять лет, десять!.. -- И, повторяя беспрестанно это роковое число, он моргал обоими глазами.

Голова низенького человека опустилась на грудь, так что он подбородком уперся в самую середину ордена, висевшего у него на шее.